

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ

и

Искусство“.

Съдоставк. и пе, эс. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—40 к. съ
стр. пет.

Адресъ редакціи и главной конторы

Моховая 45.

Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печ-
ковской—въ Одессѣ—при книжномъ мага-
зинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1904 г. VIII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 Юля.

СОДЕРЖАНІЕ: Театрально-юридическій
вопросъ.—По поводу предложенія г. Гарина.—
О Чеховѣ І. А. *Купеля*.—Изъ воспоминаній объ
А. П. Чеховѣ. *Арс. Г.*—Чеховъ въ театрѣ. *Л.*—
Хроника театра и искусства.—Маленькая хрони-
ка.—Письма въ редакцію.—Провинціальная лѣто-
пись.—Объявленія.

Рисунки: Чеховъ и Толстой, Автографъ
Чехова, Сада-Якко въ роли Офеліи, Вержбило-

№ 28.

вичъ, Шпильманъ въ роли Адама, В. В. Кавец-
кая въ „Натурщицѣ“, г-жа Тамара. (Шаржи).

Портреты: † Н. В. Унковскаго, † Ф. А. Но-
рина, г. Гарина.

Приложеніе: кн. XIII—содержаніе: Блестя-
щая пыль. Повѣсть изъ жизни соврем. писателей,
художниковъ и актеровъ *В. Берента* (окончаніе).—
Стихотв. *З. Бухаровой*. — „Святая душа“ пьеса
въ 4-хъ дѣйствіяхъ *Л. Жданова*.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

ОБЪ А. П. ЧЕХОВЪ.

Когда стоишь у свѣжей могилы, мысль сосредоточивается на совѣмъ особыхъ вопросахъ, и нѣтъ силы настолько разобраться въ прошломъ, чтобы немногими словами очертить самую суть воспоминаній о человѣкѣ, котораго похоронилъ. Выбиваются впередъ мелочи, частности, не находишь имъ надлежащаго мѣста въ общемъ и какъ-то расплывается даже то представление о покойномъ, которымъ много лѣтъ вполне удовлетворялся и съ которымъ сжился.

Но все равно. Многіе знали покойнаго А. П. Чехова и ближе, и лучше меня. Изъ ихъ рассказовъ и записокъ постепенно сложится законченный образъ. Я отмѣчу только нѣсколько черточекъ, интересныхъ, главнымъ образомъ, потому, что онѣ относятся, можетъ быть, къ самой интересной порѣ жизни А. П. Чехова.

Въ 1889 году вторую половину лѣта А. П. Чеховъ проводилъ въ Ялтѣ. Тогда только что опредѣлился громадный успѣхъ его сборника «Въ сумеркахъ». Пьеса «Ивановъ» несомнѣнно понравилась въ Петербургѣ, нѣсколько большихъ рассказовъ («Степь», «Именины», «Жена»), напечатанныхъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», показали, что А. Чехонте окончательно выросъ въ А. П. Чехова. Покойному было тогда едва 30 лѣтъ, онъ чувствовалъ себя молодымъ, здоровымъ, сильнымъ, матеріальное положеніе его не оставляло желать лучшаго. И онъ смотрѣлъ въ будущее весело и бодро, охотно отзывался на разговоры о литературѣ (впослѣдствіи онъ избѣгалъ ихъ), работалъ спокойно и энергично.

Помню, какъ сейчасъ, его пріѣздъ. Я ждалъ его на пристани. Хотя море, казалось, было тихо и покойно на рѣдкость, но бѣднаго А. П. такъ закачало, что онъ еще на слѣдующій день все жаловался, что подъ нимъ земля колышется.

— Пропала, должно быть, и моя новая пьеса, и мой новый рассказъ,—шутилъ онъ.—Чувствую, что они сболтались въ головѣ отъ этой подлой качки.

Пьеса, о которой онъ тогда говорилъ, это тотъ самый «Лѣшій», который послѣ нѣсколькихъ представленій въ театрѣ Абрамовой въ Москвѣ былъ снятъ съ репертуара, а впослѣдствіи послужилъ основаніемъ для значительно болѣе удачнаго произведенія—«Дяди Вани».

Въ Ялту А. П. привезъ уже совѣмъ отдѣланными два первые акта и конецъ четвертаго. Третій актъ ему рѣшительно не давался, такъ что были дни, когда онъ говорилъ, что, кажется, пошлетъ своего «Лѣшаго» къ лѣшему. Одна сцена этого акта рисовалась ему вполне: сцена съ пощечиной.

— Роль я даю Соловцову, — говорил онъ. — Специалистъ на такія сцены.

Вспоминаю, что на спектаклѣ эта сцена оказалась самой слабой.

Когда въ немногихъ словахъ А. П. рассказалъ общій планъ «Лѣшаго», я заинтересовался однимъ: почему центромъ пьесы является человекъ, влюбленный въ лѣса.

— Наболѣвшій вопросъ, — коротко отвѣтилъ Чеховъ и прекратилъ разговоръ.

Теперь я понимаю, въ чемъ было дѣло. Чеховъ всегда рвался къ тому, чтобы внести въ свою поэзію отзвуки современности, но чуткая душа его не позволяла ему безмятежно идти слѣдомъ за всѣми тѣми выкриками, которые неслись съ разныхъ сторонъ. Онъ инстинктивно многого сторонился, многому не вѣрилъ, но его давила нескладница дѣйствительной жизни. И приходилось придумывать.

Развѣ не придуманностью звучатъ монологи доктора въ «Дядѣ Ванѣ», монологи студента и Лопухина въ «Вишневомъ садѣ»?

Но я отвлекся. «Лѣшій», повторяю, не давался автору, хотя пьеса была очень глубоко и интересно задумана.

— Чортъ ихъ знаетъ, какъ они у меня много дѣлятъ! — говорил онъ иногда, вспоминая, что первые два акта, дѣйствительно, проходятъ въ разговорахъ за ѣдой.

Но временами онъ успокаивалъ себя и говорилъ:

— Пусть на сценѣ все будетъ такъ-же сложно и такъ-же вмѣстѣ съ тѣмъ просто, какъ и въ жизни. Люди обѣдаютъ, только обѣдаютъ, а въ это время слагается ихъ счастье и разбиваются ихъ жизни...

Одновременно съ новой пьесой онъ писалъ тогда и новый рассказъ. Онъ назывался «Мое имя и я».

Впослѣдствіи рассказъ получилъ заглавіе «Скучная исторія». — Это, какъ извѣстно, одно изъ лучшихъ произведеній Чехова. Но авторъ все время былъ недоволенъ имъ и жаловался, что изъ-за этого

«недоноска», съ которымъ надо, въ силу обѣщаній, торопиться, онъ не можетъ какъ слѣдуетъ заняться пьесой.

Сколько я замѣтилъ, уже тогда сложилась у Чехова увѣренность, что его истинное призваніе — театр. Онъ подолго и охотно говорилъ о техникѣ драматургіи, о своихъ замыслахъ въ этой области и проч.

Но то, что онъ говорилъ тогда, не имѣло рѣшающаго значенія въ его дальнейшей работѣ для театра. Это былъ періодъ раздумья и исканья. Тогда онъ твердо стоялъ на томъ, что пишущій для сцены долженъ все время помнить объ актерѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ помнить, что публика пришла только для того, чтобы еще разъ увидѣть свадьбу, самоубійство, вообще — нѣчто такое, съ чѣмъ у нея связаны представленія о театрѣ.

Но рядомъ съ этими разговорами онъ писалъ «Лѣшаго» — пьесу, которая, хотя еще и не была пьесой послѣдующихъ «чеховскихъ настроеній», но уже мало напоминала по замыслу и структурѣ хотя-бы того-же «Иванова». Какъ пьеса, написанная въ тревожную минуту поисковъ и колебаній, она, можетъ быть, именно поэтому никого не удовлетворила.

Нѣкоторыя изъ замѣчаній Чехова о техникѣ драматургіи у меня записаны. «Если вы въ первомъ актѣ повѣсили на стѣну пистолетъ, то въ послѣднемъ онъ долженъ выстрѣлить. Иначе — не вѣшайте его».

«Безсовѣстно со стороны авторовъ выводить на сцену почтальоновъ, околоточныхъ надзирателей, городовыхъ. Зачѣмъ заставляютъ бѣднаго актера одѣваться, гримироваться, дежурить цѣлые часы на сквозномъ вѣтру за кулисами?!»

«Въ драмѣ не надо бояться фарса, но отвратительно въ ней резонерство. Все мертвитъ».

«Ничего нѣтъ труднѣе, какъ написать хорошій водевиль. И какъ приятно написать его!..»

Помнится мнѣ и другое, но приведенныя замѣ-

Я П О Н С К І Й Т Е А Т Р Ъ .

Сада-Якко въ роли Офеліи.

чанія у меня записаны. Бывало долгими часами сидѣли мы на берегу моря и говорили о литературѣ, о разныхъ писателяхъ, о журналахъ и газетахъ. «Направлений» Чеховъ тогда не признавалъ.

— Я буду печататься хоть на подоконникѣ,— говорилъ онъ,— лишь бы знать, что меня читаютъ.

Да, это было хорошее время въ жизни Чехова. Въ одномъ изъ писемъ его отъ 1892 г. я нахожу такую фразу:

«Въ жизни человѣка много тяжелаго, но только нѣсколько минутъ удовольствія, а тогда (лѣто въ Ялтѣ) у меня было удовольствіе».

Аре. Г.

